

Пашковский Пётр Игоревич

ИНТЕГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ

В статье рассматривается проблема периодизации российской интеграционной активности на евразийском пространстве. На базе анализа исторического опыта конкретизировано содержание её основных этапов. Приведены подходы специалистов. Показано, что периоды взлётов и падений имперского могущества России не подчиняются хронологической ритмичности, имея различную протяжённость во времени. Выделяются пять стадий интеграционной активности и шесть - пассивности и дезинтеграции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. III. С. 149-152. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 327.39

Политология

В статье рассматривается проблема периодизации российской интеграционной активности на евразийском пространстве. На базе анализа исторического опыта конкретизировано содержание её основных этапов. Приведены подходы специалистов. Показано, что периоды взлётов и падений имперского могущества России не подчиняются хронологической ритмичности, имея различную протяжённость во времени. Выделяются пять стадий интеграционной активности и шесть – пассивности и дезинтеграции.

Ключевые слова и фразы: интеграция; дезинтеграция; Россия; евразийское пространство; периодизация.

Пашковский Пётр Игоревич, к. полит. н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

petr.pash@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ[©]

Исследование исторических особенностей и закономерностей глобальных и региональных политических процессов помогает по аналогии понять их настоящее состояние и спрогнозировать развитие в будущем. Так, периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) и дезинтеграции (потери ранее приобретённых земель) чётко отслеживаются в тысячелетней истории «освоения» Россией евразийского пространства, актуализируя необходимость их детального изучения.

Среди проявлений российских внешнеполитических подходов, в том числе интеграционной политики, учёными выделяются следующие тенденции: наличие характеристик империи, территориальные размеры которой значительно превосходили любую из европейских стран [8, с. 16]; в российском внешнеполитическом дискурсе последних трёх сотен лет наблюдается противостояние «западников» с приверженцами консервативно-патриотической традиции [17]; внешняя политика России, как правило, носила реактивный (ситуативный) характер [20, р. 20]; отмечается относительно поздний её выход на сцену европейской политики (после того как Великобритания и Франция прошли этап консолидации) [8, с. 16]; интеграционные императивы, обуславливающие стремление к «освоению» евразийского пространства [9, с. 43]; периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) чередовались с дезинтеграцией (потери ранее приобретённых земель) [11, с. 17-18]; циклы интеграции и дезинтеграции в различных соотношениях взаимодействовали с модернизацией общества [12]; внешняя экспансия сочеталась с недостатком властной отчётности во внутривластном устройстве [17]; особенности интеграционной политики были предопределены экстремальными климатическими условиями, значительной пространственной протяжённостью при низком уровне развития коммуникации, наличием «социальных пороков» (военный абсолютизм, фактор бюрократии, институт крепостничества и т.д.) [18, р. 15-16]; находясь на пересечении европейской, азиатской и мусульманской культурных сфер, Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из них, не являясь национальным государством в европейском смысле [8, с. 16]; присоединение земель происходило с помощью методов культурного воздействия и ставки на местные элиты; для их последующего слияния с имперским центром применялись способы военно-политического, идеологического, демографического или социально-экономического воздействия [9, с. 43]; интеграция осуществлялась как в условиях полупериферийного положения государства в мировой капиталистической системе, так и в рамках автаркического союза [11, с. 17-18]; в стадии дезинтеграции Россия находилась в положении полупериферии, а социальные организмы, образовавшиеся в результате распада империи, – периферии [10, с. 80].

На этом фоне малоизученной видится проблема конкретизации этапов эволюции евразийского пространства в контексте российских экспансионистских усилий. Целью данной статьи является уточнение периодизации интеграционной активности России на основе анализа её исторического опыта.

Наиболее комплексный и функциональный вариант хронологии периодов упадка и могущества российской государственности был представлен А. Уткиным: «Страна распадалась и исчезала в 1237, 1612, 1918 гг., она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 гг., но восставала в 1480, 1613, 1920, 1945 гг. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живёт в массовом представлении, он составляет его сущность, являясь основой национальной психологической парадигмы» [14, с. 138-139]. Характеризуя указанную периодизацию, исследователи отмечали, что «очевидна цикличность развития пространства, где периоды стабильного развития и экспансии составляют: 1480-1605, 1613-1812, 1815-1918, 1920-1941, 1945-1991 гг., а ослабления и фрагментации: 1237-1480, 1605-1613, 1812-1815, 1918-1920, 1941-1945, 1991-2011 гг.» [4, с. 23]. Обозначенные утверждения можно использовать в качестве образца для последующего анализа.

Итак, в 1237 г. Русь столкнулась со 150-тысячной армией хана Батыея [5, т. 1, с. 226]. В итоге русские земли попадают под ордынское владычество. 1480 г. – время подъёма, когда было покончено с зависимостью от золотоордынского ига, а великий князь Московский Иван III получил титул «преславного государя великого князя всея Руси» [Там же, с. 322]. Ещё до воцарения Ивана III к Московскому княжеству был присоединён Новгород. После настал черёд Рязани, Твери, Верейского княжества, Пскова, Кашина и т.д. К концу XV в. сформировалась основная территория русского централизованного государства со столицей в Москве.

Эта территория простиралась от Баренцева моря и Северного Ледовитого океана на севере до Балтийского моря – на западе, Уральских гор – на востоке и верховий Дона – на юге [13; 16].

1612 г. характеризуется очередным распадом российской государственности, связанным с апогеем периода Смутного времени (1598-1613 гг.): боярских междоусобиц, социальных переворотов и войн. Британский русолог Дж. Хоскинг подчёркивал, что в это время «хаос усугубился иностранной интервенцией – польско-литовской и шведской» [16, с. 73]. 1613 г. – начало объединения русских земель, которое сопровождалось освобождением Москвы от поляков и созывом Земского собора, избравшего царём Михаила Романова [5, т. 1, с. 474].

В первой половине – середине XVII в. происходит освоение Сибири. Согласно Переяславской раде 1654 г., Украина на правах автономии вошла в состав Российского государства. Андрусовское перемирие со Швецией в 1667 г. возвращало России Смоленск, Чернигов, Дорогобуж и ряд других городов [Там же, с. 493-495]. Затем усилия, направленные на увеличение государственной территории, проявились в 1699-1700 гг. в процессе подготовки войны со Швецией [6; 15; 16]. Находясь в 1709 г. «на краю гибели» вследствие наступления войск шведского короля Карла XII, Российская империя в петровскую эпоху смогла дать отпор завоевателям и, проводя активную внешнюю политику, значительно расширить свои границы [13, с. 99-112]. Были захвачены ряд шведских крепостей в районе р. Невы, прибалтийские крепости Нарва и Дерпт; присоединены ранее принадлежавшие Швеции Эстляндия, Лифляндия, Ингерманландия, города Выборг и Кексгольм. Позже Пётр овладел городами по р. Куре, городом Решт на южном берегу Каспия. Впоследствии Персия уступила России свои провинции – Дагестан, Ширван, Гилян, Мазендаран, Астрабат – с городами Дербент и Баку [5, т. 1, с. 621].

Границы империи продолжали «расти» и при других правителях XVIII в. После трёх разделов Польши (1772, 1793, 1795 гг.) к России отошли Западная Белоруссия, Литва, Курляндия и часть Волыни. В 1783 г. Крым и Кубань вошли в состав Российской империи, а, согласно Георгиевскому трактату, в том же году обеспечивалось присутствие русских войск в Грузии и в дальнейшем её присоединение к России. К концу века укрепились российские позиции в Бессарабии и Закавказье. Далее империя была ослаблена Отечественной войной 1812 г., победа в которой и последующее присоединение польских земель (Царства Польского) открывает очередной период могущества, продолжавшийся более ста лет [5, т. 2, с. 61; 16]. Впоследствии Россия сумела присоединить обширный район Кавказа (от Чёрного до Каспийского моря), начав (пока средствами торговли и дипломатии) наступление на Центральную Азию [5, т. 2, с. 112; 13]. Во второй половине XIX в. произошло последнее крупное территориальное приобретение империи – завоевание Центральной Азии [2; 5, т. 2, с. 216].

Первая мировая война, революция и Гражданская война обусловили ослабление и дезинтеграцию империи в 1918-1920 гг. Относительная внутривнутриполитическая стабильность была достигнута после образования СССР. Первоначально в 1922 г. Союз основывали РСФСР, УССР, БССР и Закавказская СФСР (в составе Армении, Азербайджана и Грузии). Затем в него вошли Узбекская и Туркменская ССР (1925), Таджикская (1929), Казахская и Киргизская ССР (1936). Тогда же, вместо распущенной Закавказской СФСР, были образованы Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР. Выполняя условия секретного протокола к советско-германскому Договору о ненападении (от 23 августа 1939 г.), СССР занял ряд европейских территорий: земли Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабию и Северную Буковину; советские войска были введены в Латвию, Эстонию, а затем и Литву, которые в 1940 г. вошли в состав Союза. Следствием советско-финской войны явилось присоединение к СССР ряда финских владений [7].

Однако Вторая мировая война внесла свои коррективы в этот процесс. Территориальная целостность государства была нарушена вторжением войск нацистской Германии. Началась Великая Отечественная война 1941-1945 гг. При этом в 1944 г. в состав Советского Союза вошла Тува. А послевоенный передел мира позволил СССР к территории уже существующих пятнадцати республик присоединить Восточную Карелию (Печенга), часть Восточной Пруссии, Закарпатскую Украину, Курильские острова и Южный Сахалин [19].

Наконец, дезинтеграция Советского Союза в 1991 г. и образование пятнадцати новых независимых государств обозначили начало современного периода в развитии как российской интеграционной политики, так и в целом евразийского пространства [9].

Исходя из исторического анализа приведённого варианта периодизации, можно представить её в виде таблицы и графика.

Таблица 1.

Продолжительность периодов интеграционной активности России на евразийском пространстве

Период	Продолжительность (в годах)
1237-1480 гг. – ослабление и дезинтеграция	243
1480-1605 гг. – усиление и интеграция	125
1605-1613 гг. – ослабление и дезинтеграция	8
1613-1812 гг. – усиление и интеграция	199
1812-1815 гг. – ослабление и дезинтеграция	3
1815-1918 гг. – усиление и интеграция	103
1918-1920 гг. – ослабление и дезинтеграция	2
1920-1941 гг. – усиление и интеграция	21
1941-1945 гг. – ослабление и дезинтеграция	4
1945-1991 гг. – усиление и интеграция	46
1991 г. – настоящее время – ослабление и дезинтеграция	24

График 1.**Продолжительность периодов интеграционной активности России на евразийском пространстве**

Данная таблица и график позволяют высказать некоторые утверждения. Периоды взлётов и падений российского имперского могущества не подчиняются хронологической ритмичности, имея различную протяжённость во времени [4, с. 23]. Так, этапы усиления и интеграции продолжались: 125 лет (1480-1605 гг.); 199 лет (1613-1812 гг.); 103 года (1815-1918 гг.); 21 год (1920-1941 гг.); 46 лет (1945-1991 гг.). Длительность этапов ослабления, дезинтеграции и восстановления имперского пространства, исключая монгольский (1237-1480 гг.: 243 года) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время: более 24 лет) периоды, характеризовалась относительной скоротечностью: 8 лет (1605-1613 гг.); 3 года (1812-1815 гг.); 2 года (1918-1920 гг.); 4 года (1941-1945 гг.).

Кроме того, руководствуясь качественными характеристиками (площадь присоединённых территорий и военной мощью империи), в интеграционной активности России на евразийском пространстве также можно выделить определённые периоды. В частности, насчитывается пять этапов усиления и интеграции и шесть – ослабления и дезинтеграции. Наиболее значительными в плане территориального расширения были 1613-1812 и 1815-1918 гг. При этом большинство периодов ослабления и дезинтеграции (1237-1480, 1605-1613, 1918-1920, 1941-1945 гг.) в той или иной степени характеризовались внутренними вооружёнными конфликтами, интервенцией и нестабильностью, неся угрозу прежней государственной целостности. С 1991 г. по настоящий момент продолжается период дезинтеграции, отличающийся меньшей, в сравнении с предыдущими, конфликтностью, но доходящий до существенной конкуренцией глобальных и региональных акторов в процессе реализации своих проектов на постсоветском пространстве с применением современных технологий.

Таким образом, рассмотренная версия периодизации представляется исторически обоснованной и функциональной в контексте освещения основных этапов усиления и ослабления имперского могущества России в рамках евразийского пространства.

Список литературы

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр. М.: Весь мир, 2008. 552 с.
2. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. 575 с.
3. Дугин А. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818> (дата обращения: 14.07.2015).
4. Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь: Рибэст, 2011. 294 с.
5. История России: в 2-х т. / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др. М.: АСТ – Ермак – Астрель, 2003. Т. 1. С древнейших времён до конца XVIII века. 943 с.; Т. 2. С начала XIX века до начала XXI века. 862 с.
6. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм; Эксмо, 2009. 576 с.
7. Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Ростов-на-Дону – Новосибирск: Феникс; Сибирское соглашение, 2002. 352 с.
8. Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
9. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991-2011 гг.). Киев: Интерсервис, 2012. 189 с.
10. Пашковский П. И. К вопросу о позиционировании России в Ялтинской системе международных отношений // Вестник развития науки и образования. 2015. № 2. С. 77-82.
11. Пашковский П. И. Особенности внешнеполитической традиции России // Вестник развития науки и образования. 2015. № 1. С. 14-20.
12. Пашковский П. И. Особенности циклов модернизации России в контексте мир-системного анализа // Грані: науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. Березень, 2014. № 3 (107). С. 81-87.
13. Политическая история России: учебное пособие / отв. ред. проф. В. В. Журавлёв. М.: Юристъ, 1998. 696 с.
14. Уткин А. И. Мир после сентября 2001 года. М.: Издатель А. В. Соловьёв, 2002. 254 с.
15. Уткин А. И. Подъём и падение Запада. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2008. 761 с.
16. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917) / пер. с англ. Смоленск: Русич, 2001. 512 с.
17. Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (дата обращения: 14.07.2015).
18. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N. Y.: Random House, 1987. 677 p.
19. Moss Walter G. A History of Russia. N. Y.: McGraw-Hill, 1997. Vol. 2. Since 1855. 569 p.
20. Sokov N. Russian Policy towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do; with additional commentary by E. Wayne Merry. Washington, D. C.: The Atlantic Council of the United States, 1999. 43 p.

RUSSIA'S INTEGRATION ACTIVITY: PROBLEM OF PERIODIZATION

Pashkovskii Petr Igorevich, Ph. D. in Political Sciences
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
petr.pash@yandex.ru

The article examines the problem of the periodization of Russia's integration activity within Eurasian space. Relying on the analysis of historical experience the author specifies the content of its basic stages, describes specialists' approaches. The paper shows that the rises and falls of Russia's imperial power do not correlate with chronological rhythmicity having different time lengths. The researcher distinguishes five stages of integration activity and six stages of passivity and disintegration.

Key words and phrases: integration; disintegration; Russia; Eurasian space; periodization.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена концептуальному анализу понятия «гендерные стереотипы» и перспективам его изучения с различных методологических позиций. Выявляются эвристически важные направления, позволяющие проследить динамику исторической трансформации гендерных стереотипов. Анализируются коммуникативно-символические структуры гендерной репрезентации как основополагающего звена гендерно-чувствительного анализа культуры. Раскрывается стратегия изучения динамики гендерных стереотипов на основе объединительной парадигмы гендерных исследований.

Ключевые слова и фразы: гендерные стереотипы; маскулинность/фемининность; гендерная репрезентация; гендерный дисплей; гендерный уклад.

Перельман Ирина Владимировна

Государственный институт искусствознания, г. Москва
perelman7655@mail.ru

**МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ
И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В КУЛЬТУРЕ[©]**

Гендерные стереотипы – одна из ключевых аналитических категорий гендерной теории как предмета и метода социального исследования, получившей интенсивное развитие в западной и отечественной науке, начиная с 70-х годов XX века. Проблемное поле гендерной теории, в первую очередь, связано с артикулированием истории социального статуса женщины. Развитие гендерной теории и активное внедрение её в различные научные области, такие как социология, психология, философия, культурология, история искусства, обусловлено актуальностью затрагиваемых ею проблем, которые создают предпосылки для рассмотрения теории гендера как философско-культурологической парадигмы, в недрах которой рождается новый взгляд на смыслогенез культуры.

Гендерные стереотипы являются одним из признаков устойчивости гендера. Они объясняют социокультурные характеристики, присвоенные индивидами в процессе социализации на всех этапах жизненного пути.

В настоящее время солидная часть гендерных исследований посвящена проблемам гендерной стереотипизации. Её аспекты широко обсуждаются в научной литературе (отечественной и зарубежной) [5; 6; 20; 24-26], в ходе научно-практических конференций [7; 14] и в диссертационных исследованиях [12].

Необходимо отметить, что большой объем накопившегося материала обусловлен различными стратегиями исследований и глубиной философского обобщения.

Многие авторы начинают рассуждать о гендерных стереотипах с анализа понятия «стереотип» [20], отмечая в этой связи роль книги американского автора Уолтера Липпмана «Общественное мнение» [16]. В ней автор впервые соотнёс термин «стереотип» с социологическими исследованиями. Он писал, что стереотипы представляют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира. В ней удобно разместились наши привычки, вкусы, способности, удовольствия и надежды... Это не просто способ замены пышного разнообразия и беспорядочной реальности на упорядоченное представление о ней. Не просто сокращённый и упрощённый путь восприятия... Они – бастион нашей традиции [Там же, с. 46]. Идея книги Липпмана получила широкое распространение не только в США, но и в Западной Европе. С тех пор представление о социальных стереотипах лишь приобрело уточнения.

Ю. Левада называет стереотипы готовыми шаблонами, «линейными формами», в которые отливаются потоки общественного мнения [15].

В связи с активизацией феминистского движения и развитием женских, а затем и гендерных исследований в центре внимания социологов, психологов, философов оказались полоролевые аспекты стереотипизации общественного сознания [28; 30], которые считаются универсальным видом стереотипов [13].